

ОТЗЫВ

Оппонента на диссертацию Селезнёва Ю.В. на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история на тему «Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды)»

Несмотря на обширнейшую историографию Золотой Орды (Улуса Джучи), освещающую практически все, доступные современному анализу аспекты истории этого государства в самом широком оценочном диапазоне – от полного негатива в досоветский и советский периоды до воссоздания особой Золотоордынской цивилизации в современной литературе – вопрос о характере взаимоотношений Руси и Орды и степени воздействия последней на социально-политическое развитие Русского государства остается одним из наименее изученных и понятых. Ю.В.Селезнёв возложил на свои плечи задачу большой важности: раскрыть особенности развития средневекового русского государства в условиях иноземного ига через выявление особенности моделей и механизмов взаимодействия правящих групп. Задача важная не только с познавательной точки зрения, но и с точки зрения методологической, поскольку подразумевает, во-первых, разработку и применение новых методических приемов для раскрытия всех нюансов взаимоотношений государства-сюзерена с государством-вассалом (если такое определение применимо к русским удельным княжествам XIII-первой половины XIV вв.), во-вторых, выдвигает на первый план социально-психологический контекст в русско-ордынских отношениях в период т.н. «ордынского ига» на Руси.

Текст представленной соискателем диссертации состоит из четырех глав, разбитых на параграфы, двух приложений, представляющих собой хронологические таблицы периодичности и длительности пребывания русских князей при дворе золотоордынских ханов и частоты приема и отправки ордынских посольств, обширного списка источников и литературы (с.545-594) и списка используемых сокращений.

Неоднозначность и специфичность русско-ордынских отношений а priori заложена уже в самой формулировке цели исследования – выявить и реконструировать особенности положения русских князей в системе политической зависимости от ордынских ханов. Для ее достижения автор формулирует комплекс задач, каждая из которых по-своему является новаторской:

выяснить степень юрисдикции и суверенитета ордынского хана над русскими землями и динамику их изменений;

□ выявить границы ордынской элиты как социальной группы, и рассмотреть особенности её взаимодействия с русской аристократией;

□ проверить и уточнить ценностные ориентиры русских книжников в отношении оценочных характеристик ордынского владычества над Русью и поведения князей в рассматриваемую эпоху;

□ рассмотреть степень вовлеченности русских князей в политическую жизнь ордынского государства, а соответственно и степень зависимости Руси от Орды в различные периоды XIII-XV в.;

□ описать внешние признаки политической культуры ордынского элитарного сообщества и выявить особенности поведенческого стереотипа русских князей и его влияние на стиль управления княжествами в условиях иноземного ига (с.9).

Новационная составляющая диссертационного исследования Ю.В.Селезнёва становится очевидной при знакомстве с историографией проблемы, изложенной в соответствующем параграфе главы I «Историография вопросов русско-ордынских отношений и источниковая база исследования» (с.18-49). Не смотря на то, что историография проблемы русско-ордынских отношений в рассматриваемой диссертации носит в основном аннотационный характер, из нее становится очевидным, что внимание предшественников Ю.В.Селезнёва было сосредоточено главным образом вокруг понятия «ордынское иго» - его смысла и семантики. И роль русских князей в этом процессе освещалась достаточно формально, а в

ранних работах XIX- первой половины XX вв. еще и весьма критически. Что, по мнению автора, не вело к адекватной оценке роли русской правящей элиты в выработке наиболее оптимальных методов, форм и способов подчинения более могущественному и грозному соседу.

Фактологическую составляющую своего исследования автор формирует из обширного корпуса источников, состоящего главным образом из русских летописей. Это логично, ибо кто, как не русские летописцы мог и должен был отслеживать перипетии, динамику и хронологию выстраивания отношений русских князей и их ордынских сюзеренов. Анализ содержания летописных текстов позволил диссертанту сделать ряд весьма интересных и полезных с точки зрения методики исторического исследования наблюдений и выводов (в частности это относится к таблицам и цифровым показателям частоты и времени пребывания русских князей в Орде).

Во второй главе своего исследования «Суверенитет ордынского хана и социально-политическая организация Улуса Джучи в XIII-XV вв.» Ю.В.Селезнёв рассматривает несколько аспектов установления отношений монгольской имперской власти с покоренными областями. Прежде всего, по данным письменных источников, он выделяет систему обязательной переписи завоеванного населения и заложничества-аманатства, как условие соблюдения лояльности со стороны подвластных владетелей. Автор вполне убедительно показывает всеобщий характер монгольских «исчислений», их смысл и цели. В данном разделе рассматриваемой главы особый интерес представляет абзац о ханских баскаках, которых автор, присоединяясь к мнению С.А.Масловой, трактует как контролеров, обеспечивающих своевременный сбор дани на подвластных ханам территориях (с.90-92).

Конечно, в масштабах всей проблемы, которой посвящена рассматриваемая диссертация, тема баскачества не является определяющей. Но в контексте всей панорамы русско-ордынских отношений она не может быть не затронутой. По сути, первым тему баскачества, как части административного механизма монгольской империи, поднял Г.А.Федоров-

Давыдов в своей известной монографии 1973 г. По его мнению, баскак – своего рода надсмотрщик над вассальными монголам местными правителями, ханский наместник. Аналогичное толкование этого термина приводит и Ю.В.Селезнёв (со ссылкой на энциклопедическую статью Д.Ю.Арапова): «за исполнением налоговых и военных обязательств следил разряд особых администраторов – баскаки» (с.90). И Г.А.Федоров-Давыдов, и автор рассматриваемой диссертации сходятся во мнении о том, что на Руси баскачество прекращается к началу XIV в. (Ю.В.Селезнёв называет более определенную дату – вторая половина 1290-х гг. (с.93)). Тем самым объективно указывая на изменение административного статуса Русских княжеств в государственной системе Улуса Джучи. Это весьма важное наблюдение, позволяющее углубить тему русско-ордынских отношений в общеисторическом контексте рассматриваемой в диссертации проблемы.

Интересной представляется предлагаемая автором периодизация монголо-татарского ига на Руси, согласно которой вся история русско-ордынских отношений разбивается на шесть периодов, каждый из которых определяется соответствующим термином, отражающим суть этих отношений: завоевательный, вассально-ленный, имперский, баскаческий, министералитет (с.98-100). Два последних периода, 1389-1480 гг., автор не определяет терминологически. Однако, из данной им этому времени краткой характеристики отношений русских князей к власти ордынских ханов, сводящихся к нерегулярным выплатам дани – «ордынского выхода» напрашивается вывод о том, что регулировка этих отношений во многом начинает зависеть от воли и настроения русских князей, вассалитет которых по отношению к ханам Орды становится все более номинальным.

Во втором параграфе рассматриваемой главы Ю.В.Селезнёв исследует проблему русско-ордынских отношений в XIII-XIV вв. через призму ее восприятия русскими летописцами-книжниками. В центре раздела стоит терминологический контекст этого процесса. Автор акцентирует свое внимание на понятиях «честь» и «жалование», при этом выделяя, хотя по

нашему мнению не достаточно обосновав их, два периода – XIII и XIV века. Смена восприятия ханской власти в сознании русских правящих элит происходит, очевидно, вследствие начала «Ордынской замятни» в 60-е гг. XIV века, свидетельствующей об ослаблении централизованной власти ордынских ханов. Последние в меняющейся политической обстановке внутри Золотой Орды, по-видимому меняли и свое отношение к русским князьям-улусникам. Поэтому на смену понятия «честь» («чествование») приходит понятие «пожалование». Оно подразумевает отношение между двумя субъектами – пожалователем и пожалованным – из которых первый дает, а второй принимает не только само пожалование, но и условия, на которых он обязан «отработать» пожалование. В конечном итоге все это означает ничто иное, как усиление эксплуатации пожалованного пожалователем, пусть даже и потенциальное. Мы не знаем (и автор монографии, очевидно, тоже из-за отсутствия соответствующих данных), насколько в материальном выражении «пожалование» отличалось от «честь». Но результаты себя не заставили ждать: усиление Москвы, хитроумная данническая политика Ивана Калиты, Куликовская битва, как бы то ни было, но подорвавшая могущество Орды на Руси.

«Красной нитью» через содержание диссертационного исследования Ю.В.Селезнёва проходит мысль о превращении русских княжеств в XIII веке в часть административно-политической системы Золотой Орды. Мысль это проводится автором последовательно, с опорой на обширный материал, пусть даже имеющий опосредованное отношение к его генеральной идее. Так, в §5 главы 2-й Ю.В.Селезнёв дает подробную характеристику правящего слоя Улуса Джучи, структурируя его в соответствии с социальной иерархией. Безусловно, нельзя не согласиться с выводом автора о том, что «элита Золотой Орды несла, в той или иной степени, все основные общественные функции (политические – военная, административная, дипломатическая и др.; экономическую; социальную; культурную; религиозную)», являясь, таким образом, господствующим классом золотоордынского общества

(с.165). Следовательно, вхождение в ее круг было престижным. С другой стороны, вхождение в высшую страту золотоордынского общества для русской княжеской элиты, по определению, было ограничено уровнем эмиров и нойонов (с.175). Если учесть, что их социальное положение зависело от воли хана, то желание ордынских ханов видеть русских князей в составе элиты своего государства (с.175) вполне понятно. Тем более что права голоса при решении важнейших политических вопросов в Орде они все равно не имели бы (с.194, 197).

Но подобное желание ордынских ханов могло быть реализовано только при условии включения русских княжеств в административную структуру Золотой Орды. Как это происходило, например, в более поздние времена, когда территории Казанского ханства и Башкирии включались в состав Русского государства: московская власть давала тарханные грамоты местной мусульманской элите, приравнивая их, таким образом, к русскому служилому сословию. Надо полагать, что и в эпоху Золотой Орды ханы преследовали те же цели, обеспечивая этим лояльность и верность со стороны своих русских князей-вассалов.

Как совершенно справедливо отмечает исследователь, «Принадлежность к знатности не могла не найти выражения во внешних признаках, в вещевой атрибуции элиты ордынского общества» (с.166). Но, «подобная система выражения включения в состав аристократии почти не нашла отражения на страницах письменных источников» (там же). Следовательно, напрашивается вывод, какую-то ясность в этот вопрос может внести археологический материал.

Действительно, Ю.В.Селезнёв далее обращается к археологическим данным, отражающим, по мнению автора этих строк (ибо диссертант оперирует именно его данными) социальную страту кочевого золотоордынского общества на определенном, отнюдь не самом высшем, его уровне. Заключение исследователя: «Однако данные свидетельства в большей мере относятся к имущественной дифференциации, позволяя только

предполагать её социальный контекст» (с.167). То есть, в данном случае археология оказывается не весьма надежным «подспорьем» в построениях автора. Поэтому вполне естественно, что далее он вновь обращается к свидетельствам письменных источников, по логике его рассуждений, тоже, в общем-то, весьма ограниченным. А из них следует, что атрибутами принадлежности к золотоордынской элите были вещи, археологически либо не фиксируемые (кафтан, шапка), либо (и это вполне логично) оставляемые наследниками в дальнейшем пользование (меч, колчан, пояс). Не случайно находки тех же самых золотых поясов в погребениях эпохи Золотой Орды – явление уникальное.

Таким образом, подвергать сомнению правомерность выделенной Ю.В.Селезнёвым атрибутики принадлежности к золотоордынской элите не целесообразно. На вопрос, получали ли её русские князья, ответить можно только как – очевидно. Пользовались ли они ею, как знаком своего социального статуса в повседневной жизни? На этот вопрос мы ответ вряд ли когда-нибудь получим.

Во всяком случае, из приведенных исследователем данных, желание ордынских ханов видеть русских князей своими подданными представляется бесспорным. Но соответствовало ли это желание представлениям русских князей об их вассалитете относительно ордынских ханов? С одной стороны Ю.В.Селезнёв полагает, что представители высшей русской аристократии оказались включенными в элиту Джучиева Улуса уже в XIII веке (с.197-221). Следовательно, по логике вещей, уже с этого времени русские княжества должны были восприниматься ордынскими ханами, как часть административно-политической системы их государства. Но в этом плане тогда было бы логично пересмотреть и все исторические карты этого периода, на которых «с испокон веков» территории Улуса Джучи (Золотой Орды) и русских княжеств обозначены разными цветами. Не является исключением и новейшая по времени составления карта, приложенная к монографии автора диссертации «Русские князья в составе правящей элиты

Джучиева Улуса в XIII-XV веках», выпущенной в 2013 г. С точки зрения академической науки это, может быть, и не существенно. Но в сознании широкой аудитории «улус» - это все-таки административная часть Золотой Орды с соответствующей иерархией подчиненности и соподчиненности ее владетелей.

Вместе с тем, сам же диссертант отмечает, что полного слияния русской знати с аристократией Орды не происходило. В подтверждение своего мнения Ю.В.Селезнёв приводит данные о числе династических браков между русскими князьями и ордынскими ханами. Получается, что реально известны пять браков русских князей со знатными ордынками (здесь следует отметить, что доподлинно невестами из правящего ханского дома были двое: жена князя Юрия Даниловича Московского Кончака, сестра хана Узбека и жена князя Федора Ростиславовича Черного, дочь хана Тула-Буки (?)). Женитьба на родственницах ордынских ханов давала ханским зятям право совещательного голоса в курултаях, не более того (с.197). Хотя какие-то привилегии за этим безусловно следовали. Вместе с тем, русские князья, как отмечает Ю.В.Селезнёв, предпочитали своих дочерей замуж за ордынских аристократов не отдавать (с.407). Во всяком случае, в проработанных автором многочисленных русских летописях данных об этом нет. Что, в общем-то, плохо согласуется с положением русских князей в качестве верноподданного «улусника-служебника» (если они таковыми были), поскольку стать ханским тестем тоже должно быть престижным. Но не в случае шаманистско-тенгрианской, а затем мусульманской Золотой Орды с ее многоженством, противном матримониальным законам русского православия.

В предлагаемой автором диссертации трактовке русских князей как «улусников-служебников» ордынских ханов есть еще один не до конца ясный аспект – внешнеполитический. Здесь выделяются, как минимум, два момента. Во-первых, Ю.В.Селезнёв специальный параграф своей диссертации посвящает церемониалу приема и отправки русскими князьями

ордынских послов (с.297-317). Здесь не может не обратить на себя внимания сама постановка вопроса – прием и отправка послов. В условиях улусной системы (и русских княжеств, как ее структурной части) посылка посольств к «улуснику-служебнику», посаженному на улус самим ханом, выглядит неким нонсенсом. Тем более, что подобные миссии осуществляли нойоны (эмиры), с которыми русские князья стояли на одной ступени социальной иерархии Золотой Орды (с.126, 153). Мы, к сожалению, не имеем данных об отправке ханских послов-киличеев (ильчи) к другим ордынским держателям улусов (улусбегам). К русским же князьям за период 1242-1445 гг., по данным Ю.В.Селезнёва, было отправлено 90 посольств (с.522-544, Приложение №2).

Кроме того, нельзя, очевидно, забывать и о географическом факторе в русско-ордынских отношениях. Географически русские княжества на северо-западе и западе граничили со Шведским, Польским и Венгерским королевствами. И не просто граничили, но и поддерживали прямые дипломатические и торговые контакты. Чего мы не можем сказать за неимением достоверных сведений относительно других ордынских улусбегов, типа упомянутых Плано Карпини Коренци, Мауци, Картана и др. Или – возникает логичный вопрос – зарубежные контакты русских князей также контролировались ханами Золотой Орды? Допустить такое возможно, подтвердить – нечем.

Наконец, наличие уже в XIII в. своеобразной буферной зоны между русскими княжествами и ордынскими улусами, на мой взгляд, вполне обоснованной В.Л.Егоровым, также свидетельствует в пользу какого-то особого статуса «русских улусов» в административной системе Золотой Орды.

Как дополнительный штрих к проявлению вассалитета русских князей по отношению к ордынским ханам, Ю.В.Селезнёв приводит характеристику пребывания ордынского хана в русских княжествах (с.381-394). Наиболее убедительным данный раздел диссертации представляется, пожалуй, только в части выявления ассортимента даров, преподносимых хану его подданными.

Причем, подданными, преимущественно восточными. Что касается посещений ханами собственно русских земель, то таковыми они, «посещения», могут быть названы очень условно. Так, поход Тула-Буги на Польшу и Венгрию через территории Галицкого и Волынского княжеств в 1286-1288 гг. – это чрезвычайная акция, судя по всему, не имевшая ни прецедентов, ни повторения. Аналогичным образом сложно согласиться с автором в его трактовке встречи с подарками и коленопреклонением, устроенной Игнатом – наследственным вотчинником во Владимиро-Суздальском княжестве – послу хана Узбека Ахмылу (сюжет из легендарной «Повести о Петре, царевиче Ордынском»), как иллюстрации обычной практики встречи вассалом своего сюзерена. И в том, и в другом случаях описываются экстраординарные события, чреватые гибелью и разорением, когда пойдешь на любые приношения и унижения, лишь бы поскорее «избыть» свалившуюся беду.

Вне всякого сомнения, Ю.В.Селезнёвым проделана огромная работа: поставлена проблема; собран и обобщен материал, необходимый для ее решения, обозначены пути решения. Выводы автора изложены в «Заключении» диссертации и они состоят в следующем:

- на территории Руси после ее завоевания монголами устанавливается особая форма зависимости, соответствующая традиционному понятию «иго» в его древнеримском значении. С данным выводом трудно не согласиться.

- выделены семь хронологических периодов динамики и трансформации этой формы зависимости, каждый из которых имеет свою семантическую специфику, определяемую общим ходом социально-политического развития Золотой Орды и Руси в течение XIII-XV вв. В принципе, этот вывод также едва ли может быть оспорен.

- в соответствии с социальной стратификацией Монгольской империи русские князья, как правители подвластных улусов – улусбеги, были включены в состав правящей элиты империи и поставлены на

соответствующую ступень ее иерархии. Вывод – вполне обоснованный и справедливый.

- «Признав власть ордынского хана, русские князья соглашались с нормами монгольской политической культуры. Получая ярлыки на свои княжества, выплачивая дань и участвуя в военных акциях ордынских ханов, русская знать оказалась включена в систему взаимодействий элиты Джучиева Улуса на правах улусных владетелей (темников и тысячников)» (с.398). Данный вывод Ю.В.Селезнёв обосновывает статистикой поездок и длительностью пребывания русских князей при дворе ордынских ханов. С цифрами спорить сложно, но за ними скрывается некоторый нюанс, могущий внести дополнительные штрихи к пониманию и оценке специфики места русских князей в элитарной иерархии Золотой Орды. В недавно вышедшей монографии А.Г.Юрченко «Элита Монгольской империи: время праздников, время казней» (2013 г.) автор, на мой взгляд, вполне убедительно раскрывает систему обязательного участия вассалов монгольского каана в общеимперских празднествах, выполнявших функцию демонстрации психологического единства каана с подданными и выражения лояльности последних. Действовала ли эта система по отношению к русским князьям? Можно ли связать их поездки в Орду с подобными мероприятиями или они были обусловлены только задачами достижения политических целей? Ответ на эти вопросы в рассматриваемой диссертации не прозвучал.

- «Военно-политические реалии обусловили признание русскими книжниками в прямой или косвенной форме верховенство ордынского правителя над русскими землями. Со времени оформления зависимости кааны Монгольской империи именуется «царями», а с момента фактического приобретения независимости Ордой в 1260-х гг. этим титулом неизменно именуется ханы Джучиева Улуса» (с.404). Вывод, так же вполне логичный, хотя и нуждающийся в более широком обосновании. Прежде всего, в контексте прерогативы титула «царь», применительно к ордынским ханам, в сознании русских книжников, живших в условиях раздробленности

и княжеских уособиц. Была ли у этого титула (и могла ли быть вообще) альтернатива? То есть, в общественном сознании хан Золотой Орды это действительно был царь с соответствующими юридическими правами или это был образ на уровне былинного «Калина-царя»?

- но особо выразительно звучит заключительный вывод автора: «Таким образом, образование в XIII столетии Джучиева Улуса и завоевание Руси привело к необходимости признания русскими князьями суверенитета ордынского хана. В результате, представители высшей русской аристократии оказались включенными в элиту Джучиева Улуса и составили там довольно представительную долю (106 князей составили 8 % к общей численности зафиксированных представителей элиты Орды за XIII- первую половину XV вв., если же взять только служилую знать – то доля увеличится до 20-25 %). Однако говорить о полном слиянии русской знати с аристократией Орды не представляется возможным» (с.406). Важность данного вывода заключается, во-первых, в том, что он в значительной степени объясняет и усиливает понимание хода русско-ордынских отношений в целом, во-вторых, хочет того сам автор диссертации или нет, объективно подчеркивает особый статус русских улусов в составе Золотой Орды. С одной стороны, Ю.В.Селезнёв приводит убедительные свидетельства формальной принадлежности русской княжеской элиты к указанной категории ордынской знати. Но с другой, из приведенных им же данных, можно сделать вывод и о том, что за формальной стороной процесса скрывались и некие не очевидные, но существенные нюансы русско-ордынских отношений, выводящие русские княжества и, соответственно, князей, за рамки общепринятого и традиционного понимания социальной и административно-политической иерархии Джучиева Улуса/Золотой Орды. Наивно, очевидно, было бы полагать, что эта «особость» русских князей на общем фоне правящей элиты Золотой Орды оставалась не замеченной ханами. Но они ее терпели. Почему? Поиск ответа на этот вопрос, по-видимому, может стать темой будущих исследований Ю.В.Селезнёва.

Таким образом, вопросы остаются, что, с учетом масштабности и глубины поднятой автором проблемы, является вполне естественным.

Высказанные выше замечания по поводу некоторых выводов автора, тем не менее, не дают оснований сомневаться в том, что представленная Ю.В.Селезнёвым к защите диссертация является самостоятельной научно-квалификационной работой. В ней на высоком научном уровне разработана и в значительной степени решена крупномасштабная научная проблема – место и роль русской правящей элиты в системе государственного и политического устройства Золотой Орды (Улуса Джучи) – дающая возможность и основание пересмотреть целый ряд принципиальных положений, касающихся генезиса Древнерусского государства в целом. Автором разработан и продемонстрирован новый подход к решению проблемы эволюции русско-ордынских отношений, семантике понятия «ордынское иго», характера и специфики взаимоотношений русской и ордынской правящих элит. То есть, диссертация вполне соответствует требованиям к докторским диссертациям, изложенным в Положении ВАК от 6.02.2002 "О порядке присуждения научных степеней".

Сопровождающий рукопись диссертации автореферат полностью соответствует ее содержанию.

Считаю необходимым просить Диссертационный совет Воронежского государственного университета присвоить Ю.В.Селезнёву искомую степень доктора исторических наук.

Заведующий кафедрой Всеобщей
истории и культурного наследия
Башкирского государственного
Педагогического университета
им.М.Акмуллы

В.А.Иванов

27.02.2015 г.

